

Правильные люди

Марк Беленский

18+

Марк Беленский

Правильные люди

<https://litres.ru/74090118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фёдор Алексеевич Празднёв двадцать лет сидит в кресле депутата Госдумы. Его главный талант — ничего не делать и держаться. Бумажки, откаты, блокировка реформ — формула проста: не высовывайся, и система прокормит.

Но одна встреча в ресторане запускает цепь событий, которые выбрасывают Празднёва из московских кабинетов в заснеженную глубинку. Здесь, среди забытых городов и невидимых людей, он вдруг обнаруживает, что стал тем, кого всегда презирал — и тем, кого его же законы лишили права на жизнь.

Гротескный, ироничный роман о власти, страхе и симулякрах. О том, как легко обмануть всех — включая себя. И о том, что иногда осознание собственного ничтожества — единственное, что делает человека живым.

Марк Беленский

Правильные люди

Глава 1

Настала зимняя пора
И все собрались у двора,
Чтобы законы обсуждать,
От Зла Россиюшку спасать.

Бифштекс подали прохладным, а сомелье ещё даже не пошёл. За окном падал хлопьями снег, иногда вырисовывая различные вихри то с одной стороны, то с другой. И пусть само окно ресторана, в котором сидел наш герой, находилось высоко, но вид из него был крайне скучный и однообразный: исчезающая за пеленой снега Сталинка, вырезанные на белом фоне серые, словно линии, улицы и нет-нет – жирный московский голубь пролетит против ветра. Вот и вся динамика, весь азарт.

На столе же, за которым сидел герой, стоял наполовину пустой бокал с красным вином, а вокруг главного блюда красовались три вида закусок, выбранные, впрочем, по наитию, нежели целенаправленно.

Вихри становились всё заковыристее, но потихоньку исчезали за узорами, которые вырисовывались от холода на стекле. Упитанный, но не толстый, не старый, но уже и не молодой, герой доедал последний кусочек бифштекса и уже ду-

мал про себя, что же этакое написать в жалобную книгу, чтобы побольнее звучало?

Накручивая на указательный палец одной руки ус, он другой рукой мямл салфетку всё никак не в силах решить, что же больше с ней хочется сделать: толи порвать на клочки, толи просто со вздохом смять в комочек.

Ладно, дорогой читатель, не буду ждать того злополучного момента, когда должен подойти знакомый и назвать нашего персонажа по имени, а посему сам тебе его представлю и всё, что знаю – расскажу.

Звали нашего героя Фёдор Алексеевич Празднёв и был он человек интересный. Успев многое наворотить ещё в девяностых, он уже в двухтысячных обустроился должностью депутата в думе и вот уже как не первый десяток лет, сидел на своём месте. Карьерный рост Празднёва особо никогда не интересовал, хотя конституцию он время от времени и почитывал. По большей же части главной задачей было сидеть на месте, заполнять бумажки и как можно дольше продержаться на комитетском заседании во время громких обсуждений очередного нового законопроекта.

Как же он пришёл к такому положению? – ну удача, куда же без неё! Ведь в самих девяностых Фёдор Алексеевич был никем иным как небольшим шарлатаном, очень умело убеждавшим людей покупать то, что и гроша не стоит за золото, а иной раз убеждать, что золото – и гроша не стоит. Был особо тяжёлый период, когда приходилось буквально «вырывать»

деньги из рук, но этот тёмный отрезок жизни был настолько неприятен, что не только я, а даже сам наш герой толком о нём не помнил и вспоминать не хотел. И пришёл Фёдор Алексеевич в депутаты самым простым и бескорыстным путём, просто проплатив своё местечко в этом уютном депутатском гнёздышке.

Об этом гнёздышке и подумал Празднёв, когда доедал последний кусочек холодного бифштекса. Разжёвывая его с кислой мордой, Празднёв уже заочно взял в руку салфетку и начал выкручивать в ней пальцы. И хоть ел он всё время ножом и вилкой, но каким-то волшебным образом пачкал свои пальцы в жир и затем ещё минут пять оттирал только их, даже не взявшись за десерт.

И тем не менее, пальцы до конца он оттер. Протёр и ладони, когда сжимал салфетку то в одной руке, то в другой как экспандер. Продолжал Празднёв эту церемония окончания обеда и даже когда посмотрел из-под плеча на официанта, который болтал о чём-то с барменом и улыбался. Когда же официант посмотрел проходящим мимо взглядом в сторону нашего героя, улыбка слетела с его лица и тело сразу же двинулось к столику.

Высокий, статный официант подошёл к Празднёву и, слегка наклонившись, спросил:

– Желаете что-то ещё? – спокойным голосом, слегка приподняв в ожидании брови, посмотрел любезной улыбкой официант.

– Да, – так же улыбаясь, ответил Фёдор Алексеевич, – можно счёт, – тут же постарался ещё больше улыбнуться Празднёв и сделал для того паузу, после чего, кивая, договорил, – и позовите, пожалуйста, администратора...

Лишь на секунду лицо официанта выразило смятение или даже лёгкий испуг. В любом случае, какую бы эмоцию оно не выражало внутри, но округлённые глаза и слегка приоткрытый рот, пусть и держались мгновение, но дали чётко понять всей своей наружностью, что просьба эта ничего хорошего не сулит.

Так оно и было.

По крайней мере – для официанта.

– Конечно, – снова пришёл он в себя и, кивнув, с той же улыбкой ушёл из зала.

Некоторое время Празднёв сидел один и просто ждал, когда подойдёт администратор. Его глаза бегали по столу, иногда останавливаясь при виде закусок. Руки стали зачем-то выпрямлять и без того ровную скатерть, а затем и вовсе потянули синий пиджак вниз, тем самым тоже выглаживая и без того уже выглаженный пиджак.

Такие действия могли бы занять много времени, если бы в коридоре ресторана не послышался знакомый голос и фраза: «Да бронировал я, бронировал!». После чего послышалась фамилия «Празднёв» и в дверях показалась невысокая худощавая фигура в сером пальто, с черной шапкой в руках и бегающим по сторонам взглядом.

Когда же этот *забронированный* гость увидел нашего героя, то тут же отдал шапку стоящему сзади официанту и, не смотря по сторонам, пошёл к столику Празднёва.

Только когда гость уже подошёл и сел напротив Фёдора Алексеевича, стало возможным разглядеть более подробно его черты. Голубые, холодные, но всегда улыбающиеся глаза, лысина по центру, обрамлённая волосами, выросшими на голове в форме подковы и торчащие по сторонам уши.

Эти уши торчали так сильно, что казалось, будь даже на его лице самая экстравагантная черта, собеседник бы всё равно первым делом посмотрел именно на них и ни на что иное. Так сильно они выделялись.

Официант, что ушёл звать администратора, быстро подошёл к столу и уже начал было извиняться перед Празднёвым, что подпустил к нему какого-то незнакомца. Но Фёдор Алексеевич остановил того ладонью руки и, не смотря на официанта, ответил:

– Это ко мне. – официант же ничего не сказал, а только повесил шапку, кивнул и устранился, второй раз пытаясь позвать администратора.

– Всё утро тебя искал, – затараторил мужчина, – ты каким боком здесь оказался? В день собрания к тому же?

– Вот знаете, Василий Петрович, – наиграно уважительно обратился Празднёв и стал перекладывать закуску на свою тарелку, – скольких людей знаю, ни у кого такой говорящей фамилии как ваша не слышал, – сделав паузу, он посмот-

рел чуть выше собеседника, поднял кисть на уровень лица и, сложив пальцы в итальянскую щепотку, произнёс, – «Прилипкин».

– Федя... – вздохнул Василий Петрович после беготни. – Я тебе о серьёзных вещах говорю, а ты тут к фамилиям придираешься...

– ...администратор скоро подойдёт, – показался из-за спины Празднёва официант, – пока, если желаете, могу предложить одно блюдо на выбор за счёт заведения. – обратился он к Празднёву.

– Да, хорошо, – также не смотря на официанта, ответил Фёдор Алексеевич и тут же обратился к Василию Петровичу, – Успокойся, Вась. Ты главное успокойся. Я вот к твоему приходу нам кагорчику заказал. Еда, конечно, здесь дрянь, но выпить что-нибудь можно.

Сказав это, Фёдор Алексеевич тут же пододвинул к себе бутылку с вином и жестом позвал официанта. Прилипкин же первые секунды просто надкусывал нижнюю губу и с какой-то неоправданной злобой смотрел на официанта, который подошёл, чтобы открыть бутылку. Официант даже на секунду задержал взгляд, чтобы убедиться: точно ли собеседник его гостя адекватен? Но стоило ему открыть бутылку вина, как Фёдор Алексеевич слегка вытянул шейку, как котёнок перед миской молока, и как-то неестественно, я бы даже сказал, *наигранно* улыбнулся. Затем взял бокал, на половину наполненный вином, и сымитировав чоканье в сторону Ва-

сила Петровича, отхлебнул. Василий Петрович же посмотрел на Празднёва, вздохнул, откинулся на спинку дивана и посмотрел на запотевшее окно, где местами ещё проступал вид на зимнюю московскую бурю:

– А знаешь, Федя, – тут же заулыбался и выдохнул Василий, – ты прав! Ты, как всегда, мой друг, прав! – кивнул Прилипкин и начал наливать себе в бокал вино, – Что мне эти все ваши голосования, выборы, поправки. Моё дело – за порядком следить, а Порядок изволил дать Аркадию Ивановичу десять лет с копеечками.

И секунды не прошло, как Празднёв тут же подавился и начал кашлять, пытаясь унять раздражение ударами кулаком по груди, что, впрочем, было методом совершенно бездейственным. Василий Петрович же лишь немного улыбнулся и налил себе кагору.

– Какой Аркадий Иванович? – сильным голосом, рукой разминая шею, спросил Празднёв, – с какими копеечками?

– А что такое, Федя? – на этот раз уже отпивал, улыбаясь, Прилипкин, – нервничаешь что ли? Так ты успокойся. Вот, смотри какое вино принесли! Не вино, а Французский Сангреаль! – тут же сделал ещё глоток Василий Петрович и даже причмокнул в конце для наглядности.

– Я серьёзно Вася. – онемел в лице Празднёв.

– А если серьёзно, – наклонился Прилипкин к Фёдору Алексеевичу, – если серьёзно, то посадили твоего заместителя далеко и на долго. Сейчас в СИЗО пребывает, – махнул

в сторону окна головой Прилипкин, – скоро будет суд по делу о взяточничестве. Говорят, он кому-то в Партии дорогу перешёл, так что адвоката на суде не будет. Только такой, знаешь, *декоративный*. – подёргал пальчиками у подбородка, как кукловод, Василий Петрович.

На слове «декоративный» Прилипкин решил остановиться. Но по тяжёлому взгляду Празднёва и его бездействию понял, что описания ситуации явно недостаточно и, поэтому, отпив вина и закусив, решил продолжить.

– Ты же понимаешь, Федя, – вздохнул Василий, – сейчас Аркашу в СИЗО отправили, завтра ещё кого-то, а там того глядишь и до тебя дойдёт...

Опущенный в плечах и поникший Фёдор Алексеевич заморгал глазами, задвигал бровями вверх-вниз, снова потянул руками свой пиджак и налёг на бокал, выпив залпом вино.

– Да... – посмотрел в стол Празднёв, – дело - дрянь.

– Дрянь – не то слово, но, а что поделать. – с чувством выполненного долга успокоился Прилипкин, – сейчас самое главное – не дёргаться, приходите на все церемонии и показывать максимальный интерес и участие к делам Партии. Это уже в твоей модели.

Пока Василий раскладывал себе закуски на принесённое второе блюдо и наливал в бокал ещё вина, Фёдор Алексеевич долго на него смотрел. И поверь, дорогой читатель, если бы не профессиональная этика и не осведомлённость Васи-

лия Петровича о том, что такое «Празднёв», то его бы это молчание смутило. Наверняка он бы ещё пару раз, когда перекладывал кусочек ветчины и сыра с плесенью на блюде, посмотрел бы на Фёдора Алексеевича с этакой *опаской*, с которой обычно смотришь на человека в минуты, когда не знаешь, чего от него ожидать.

Вот только как раз-таки это Прилипкин прекрасно знал и понимал. Знал и что следующим скажет Празднёв и с какой мыслью обратиться. Знал даже некую «прелюдию», с которой Фёдор Алексеевич начнёт. И эта осведомлённость не могла не льстить Василию, также как не могла сдержать его лёгкой улыбки и отстранённого взгляда перед тем, как Фёдор Алексеевич произнёс:

– А помнишь, Вась, как мы в детстве на санках любили кататься, – как бы ностальгически улыбнулся Празднёв и посмотрел в окно, – ты тогда ещё в сугроб свалился и у тебя нога в снегу застряла...

– Да, помню, – несмотря на Фёдора Алексеевича съел сыр с плесенью Василий, – а ты мне помог её вытащить, – только сейчас с сжатой, но очень знакомой Празднёву улыбкой посмотрел на него Прилипкин, – ну и к чему ты ведёшь? – решил он сократить эту драму.

– К тому, что друзья мы с тобой, Вася, – снова вытянул шейку и кивнул Фёдор Алексеевич, – я бы даже сказал братя. А кто как ни брат поможет в трудную минуту?

– Чего ты хочешь? – снова улыбнулся Прилипкин.

– Помоги? А? – зажмурил всё лицо на одну сторону Празднёв. – ты мне сейчас поможешь, а затем и я тебе чем-нибудь да тоже помогу. Мы же друзья как никак.

– Близкая дружба у нас, судя по твоим словам. – Прилипки начал с интересом разглядывать в руке сыр.

– Близкая, – ни на секунду не усомнился Празднёв, – очень близкая. Настолько близкая, что я готов по любому вопросу твоему похлопотать, как только попросишь...

– Ну раз «по любому», то почему бы не помочь. – здесь – то Прилипки и задумался.

Было видно, что дело, о котором Василий подумал – было делом серьёзным. Прикусив губу и тут же осознав этот выдающийся себя жест, Прилипки сжал губы, вздохнул и, продолжая смотреть на сыр, ответил:

– Вообще, Федя, есть одна возможность. – осторожно, и секунды не смотря на собеседника, продолжил Прилипки, – есть у нас один человек, который бы мог помочь. Только надо понять, где он сейчас.

Празднёв свёл брови и неотрывно смотрел на Прилипкина: «Мне что, надо из него силой мысли выбивать?!»:

– И что же это за человек, друг мой? – улыбнулся Празднёв.

– Дипломат. Сейчас в Америке ошивается. – наконец надкусил ветчину и запил вином Прилипкин, – Говорят, может с чем угодно помочь, главное – правильно попросить. Но над этим тебе думать не придётся. Мне от тебя другое нужно.

– Ну что же? Не томи!

– Тебе фамилия Недищев знакома?

– Где-то слышал, – пожал плечами Празднёв и скривил губы, будто ему задали самый скучный и бесполезный вопрос, – ты же знаешь, я жизнью коллег не интересуюсь.

– Значит придётся.

– С чего вдруг?

– С того, что коллега твой – человек нечестный и за слова отвечать не умеет, а вот данными очень ответственными владеет. – Прилипкин отпил вина и продолжил, – мы с ним ещё с двухтысячных знакомы. Он всегда был человеком тихим. Но в последнее время что-то слишком часто стал пропадать, а местами в неприличном обществе появляться, – тут Прилипкин достал несколько фотографий этого самого Недищева и разложил на столе, заведомо убрав тарелки вокруг, – На приёме в посольстве его замечали в компании британского дипломата Чарльза Шеппарда. Чётких данных о нём пока нет, но есть подозрения, что дипломатия – это хобби, а работает он как и мы, но по другую сторону. – Прилипкин указал на вторую фотографию, где тот же Недищев в неприглядном виде сидит в ресторане в обществе какого-то мужчины, – Лев Щепников, журналист, копал под Фантома.

– Что-то знакомое. – продолжил рассматривать фотографии Празднёв.

– Помнишь, давно была статья «Разменная пешка: как ФСБ сдаёт своих»? – это его рук дело.

– Сам не читал, но помню, что о чём–то таком говорили. А как это касается Недищева?

– Его видели в обществе Щепкина раза два. Это – один из них, – Прилипкин тыкнул в фотографию пальцев, – о чём говорили? какая связь? – неизвестно. Но Недищев уже тогда у нас на карандашике сидел, пусть и символическом.

– Понятно. – сухо ответил Празднёв, – а это кто?

– А это, – милым нежным голосом, с любовной улыбкой начал Прилипкин, – Анатолий Борисович Варгин. Сколотил капитал в 90-е на приватизации металлургических комбинатов. В 2000–х был членом клана «Ястребы» и активно отстаивал наши интересы. Когда же аппаратная война была проиграна – еле отмылся. Но за то время, что пытался отмыться, вывел не один миллион долларов со своих комбинатов через экспортные сделки. А затем свалил. – Прилипкин как бы грустно вздохнул, – Короче – неприятный человек.

– А сейчас? – Празднёв поднёс ближе фотографию Недищева и сидящего рядом с ним, у футбольного поля, Варгина.

– А сейчас живёт в Челси, спонсирует футбольную группу и ни в чём себе не отказывает. – Прилипкин откинулся на спинку сидения, – но так уж совпало, что Недищев – ярый любитель футбола. И знаешь, с кем он чаще всего пересекается на матчах?

– С Варгиным.

– Именно. Причём видели их вместе уже три раза.

Буря не утихала и над столом повисла тишина. Празднёв

поочерёдно разглядывал фотографии и ничего не говорил, пока Василий Петрович не закончил:

– Да и к самому Недищеву у нас свои вопросы имеются, но это уже неважно, – указал он на фотографии.

– Короче – отступника поймать хотите. – ухмыльнулся и свёл фотографии в стопочку Празднёв.

– Отступником, – с серьёзным лицом ответил Прилипкин, – это у вас при дворе говорят, а нас в катакомбах таких людей крысами называют.

– Всё это здорово Вася, но у меня один только вопрос. Ты меня за агента 007 воспринял? Я, по-твоему, каждый день в Челси на футбольные матчи гоняю или как? Мы тут, между прочим, не в мирное время живём!

– Именно поэтому, – сдержанно, не отвечая на выпады Празднёва, ответил Василий, – из-за этого «немирного времени» я и прошу тебя этим заняться. Тебя знают почти все, ты не привлечёшь внимание. – вздохнул Прилипкин. – попробуй быть опером и невзначай заговорить о человечке – да там шуток по каждому офису пройдёт и всё – капут!

Тут Прилипкин лично налил оставшееся вино в стакан Празднёва и, как бы услужливо наклонясь, просюсюкал:

– Другое дело – ты, Федечка: знакомый почти всем, тихий, лишний раз не дёргаешься, а если что и спросишь, то только ради приличия.

Празднёв свёл брови:

– Это заметно?

– Ещё как заметно. – улыбнулся Прилипкин, – За это я тебя и ценю. Так что узнай среди своих что-либо об этих трёх персонажах, а если будет возможность, то и о самом Недичевом. А я пока за тебя похлопочу.

В ответ Празднёв ничего не сказал, а только покачал головой, вздохнул и тут же принялся выглаживать руками край пиджака. После чего жестом позвал официанта, попросил счёт, встал и засунул руку в рукав своего пальто.

– И, кстати, настоятельно рекомендую поехать на Охотный ряд. – нарушил паузу Прилипкин, – в твоих же интересах не вызывать подозрений.

– Да поеду я, поеду. – Празднёв приложил карту к просящему оплату терминалу, – куда я денусь.

Затем, дождавшись, когда Прилипкин застегнёт пуговицы своего пальто и наденет черную шапку, которая едва ли закрывала уши, Фёдор Алексеевич развернулся и направился к выходу. Но перед тем, как выйти он остановился, посмотрел на молодую девушку в чёрном костюме с надписью «Администратор. Наталья» и подошёл к ней.

– Добрый день, вы меня звали? – улыбнулась умеренной, но от того ещё более милой женкой улыбкой Наталья.

– Да, звал – сухо ответил Празднёв и потянулся в карман, откуда достал четыре пятитысячные купюры, – ресторан ваш – заглядение. И дизайн красивый и еда хорошая.

Сказав это, Празднёв взял руку Натальи и положил в неё деньги, отчего ручка девушки автоматически сжалась.

– Единственное, – Празднёв начал поправлять воротник администраторше, – увольте этого бедолагу, – указал он пальцем на официанта. – не его это – правильных людей обслуживать.

С этими словами Празднёв и Прилипкин вышли, оставив Наталью толи в радости, толи в смущении. Да и сама Наталья не знала как на это реагировать: толи подбежать и отдать деньги обратно, толи...

Она посмотрела на официанта с укоризненным взглядом, засунула купюры в карман и скрестила руки на груди.

Правильные люди